

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-563-580

Человеческое достоинство и способы его утраты, или Несколько рецептов, как стать счастливым*

Рецензия на книги: Бири П. Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства / Пер. с нем. Д.В. Сильверстова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 504 с.; Кетс де Врис М. Секс, деньги, счастье и смерть: В поисках себя / Пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2018. 440 с.

Сегодня мы переживаем бум (научно-)публицистической литературы, которая в простой и убедительно-иллюстративной форме стремится (1) объяснить человеку, как устроен этот мир в целом или отдельные его области (от микробиологии до астрономии), (2) представить результаты драматических поисков ответов на экзистенциальные вопросы в нынешнем мире с размытыми и подвижными границами прежде незыблемых (по крайней мере, декларативно-официально) моральных норм. Вторая группа изданий уступает первой в объемах, но постепенно наращивает темпы публикации стратегий поиска ответов на сложнейшие вопросы человеческой жизни, одним из которых является обретение счастья, даже если оно упоминается лишь как один из множества сюжетов. К сожалению, далеко не всем подобным изданиям, даже написанным известными учеными, удастся выдержать баланс между научным объяснением и корректной популяризацией, и в рецензии мы бы хотели представить две книги, которые смогли этот баланс в той или иной мере соблюсти, попутно упоминая и счастье/несчастье.

Автор первой книги «Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства» — швейцарский писатель и философ Петер Бири: в 1971 году он получил докторскую степень в Гейдельберге по философии пространства и времени, занимался исследованиями по философии разума, эпистемологии и этике, а в 2007 году досрочно оставил профессорскую должность в Свободном университете Берлина, объяснив свой уход разочарованием в академической работе, обусловленным ростом менеджериализма. Аннотация справедливо представляет книгу как суммирующую весь спектр трактовок достоинства в «многоголосой оркестровке историй, притч, интеллектуальной игры, опираясь на примеры из собственной жизни, мировой литературы и кинематографа» (с. 4), что позволяет отнести ее к «жанру философски-беллетристического эссе, где художественная манера

* © Троцук И.В., Гребнева В.Е., 2019.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00993 «Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации».

Статья поступила 25.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

изложения сочетается с терминологической точностью и единообразием ключевых понятий и определений..., философский анализ граней человеческого достоинства иллюстрируют эпизоды из жизни и художественных произведений..., хорошо знакомых западному читателю (впрочем, не только ему)» (с. 5).

Структурно книга состоит из введения и восьми глав, разбитых на параграфы. Практически каждый параграф выстроен следующим образом: автор рассматривает конкретный пример, с которым столкнулся он сам, его знакомые, персонажи художественных произведений или фильмов, а после переходит к абстрактному осмыслению этого случая и возможных вариантов развития событий. Текст насыщен рассуждениями в формате «разговоров» о сути и формах человеческого достоинства, которые подкрепляются примерами из кинофильмов, романов, пьес, а также ситуациями из жизни. Несмотря на художественный стиль изложения, автор придерживается терминологической точности и единообразия ключевых понятий, которым дает развернутые определения, что помогает читателю не терять нить рассуждений.

Во Введении Бири определяет философию как «попытку, прибегая к системе понятий, осветить важные моменты в нашем жизненном опыте», и использует ее, чтобы дать определение человеческому достоинству — это повседневное понятие, ставшее разговорным клише и воспринимающееся как само собой разумеющееся, но на самом деле оно может показаться странным и даже загадочным, как только мы пытаемся сосредоточиться на его содержании. В поисках определения человеческого достоинства можно пойти двумя путями: первый — трактовка достоинства как «свойства, каковым люди обладают в силу того, что являются людьми... это особое свойство, имеющее характер права: права на то, чтобы тебя уважали и соответствующим образом к тебе относились» (с. 11—12); соответственно, достоинство не может быть у человека отнято и не зависит от действий других. Бири предлагает читателям пойти вторым путем — рассмотреть достоинство как определенный модус и образ жизни, модель того, как человек думает, переживает и поступает: для этого не нужно обращаться к метафизической картине мира — лишь пристально взглянуть в многообразный опыт, который мы пытаемся уловить в понятии «достоинство», и переосмыслить его.

В такой трактовке достоинство имеет три измерения (с. 13—14): в первом множестве граней достоинства можно увидеть в зависимости от отношения окружающих, т.е. это «нечто, определяемое другими»; второе измерение также касается взаимоотношений с окружающими, но достоинство зависит от позиции по отношению к ним — в первом случае ответственность за достоинство лежит на других (в их власти сохранить или разрушить его), во втором — на человеке (удастся ему жить достойно или нет); в третьем измерении речь идет об отношении человека к самому себе. Три измерения жизненного опыта сливаются в понятии достоинства как «многослойном опыте, где слои иногда накладываются друг на друга, и границы между ними становятся неразличимыми, и задача... — суметь увидеть их в различных элементах нашего опыта» (с. 14).

Понятие достоинства неразрывно связано с понятием счастья, потому что «потерю собственного достоинства мы переживаем как несчастье..., такая утрата

бросает тень на всю нашу жизнь, омрачает ее настолько, что мы уже не можем ее жить, разве что выносить» (с. 14—15). Все три измерения достоинства переживаются людьми через опыт утраченного, сохраненного или задетого достоинства, пересекаются и оказывают друг на друга влияние. Отдельные случаи, связанные с проявлением достоинства, могут становиться (моральными) дилеммами, которые автор реконструирует в разных жизненных ситуациях. Цель книги — понять, в чем именно состоит благо собственного достоинства и каким образом переплетение разнообразных граней человеческого опыта связано с этим понятием (с. 15). По сути, ответ, который дает автор в начале книги и на всем ее протяжении подтверждает разнообразными примерами, таков: «Наша жизнь... хрупка и постоянно находится под угрозой, внешней и внутренней. Жизненная форма достоинства — попытка противостоять этой угрозе... Для этого нужно не только не давать поглотить себя переживаемым ударами судьбы, но определенным поведением противостоять им, поведением, означающим: я принимаю вызов. Жизненная форма достоинства поэтому не просто некий жизненный феномен, но экзистенциальный ответ на экзистенциальный опыт угрозы» (с. 15—16).

Первая глава посвящена рассмотрению достоинства как самостоятельности, которую автор определяет как базовую человеческую потребность и внутренний компас, поскольку отсутствие самостоятельности, зависимость и бессилие несут прямую угрозу чувству собственного достоинства. Многообразие человеческого опыта проистекает из этой потребности и представляет собой постоянную работу над поддержанием равновесия между хорошими отношениями, без которых мы не можем обойтись как существа социальные, и потребностью в самостоятельности. Бири предлагает рассматривать достоинство как самостоятельность, апеллируя к понятию субъекта — что означает быть субъектом, какие качества приводят человека к тому, что он ощущает себя субъектом или, наоборот, объектом, предметом и вещью. «Субъект — это своего рода нарративный центр тяжести... В историях о том, где мы берем свое начало, как мы стали тем, что мы есть, и что мы намерены делать, возникает представление о самом себе... Образ самого себя, присущий каждому из нас как субъекту, это не только представление о том, какие мы есть, но также о том, какими мы хотели и должны были быть» (с. 23—24). Субъекты могут оценивать свое поведение, запрещать или разрешать себе действия, чувства, желания, могут, видя конфликт между желаемым и действительным, направлять себя в нужном направлении и подвергать самоцензуре, т.е. в состоянии сами определять собственную идентичность.

Если же человек ощущает, что его пытаются лишить достоинства, используют как средство достижения цели, которую ставят себе другие, не воспринимают всерьез, то он чувствует, что его презирают, пытаются лишить достоинства и уничтожить в нем субъекта. Сравнивая ярмарочное состязание в швырянии карликов и ситуацию паники на пожаре, когда люди, пытаясь спастись от огня, отталкивают друг друга, автор показывает, сколь различны эти ситуации в силу детерминирующих их мотивов. Спасаящимися от огня руководит слепая жестокость стремления выжить, бросают же карликов и наблюдают за этим ради собственного удовольствия — овеществляя людей, превращая их в игрушку. Бири приводит

примеры солдат на войне (их посылают на фронт, зная, что они превратятся в пушечное мясо) и скотобоен (фабрик смерти, где животные выступают как «вещи», выкормленные ради нашего пропитания). Можно привести и менее кровавые примеры, скажем, известный французский кинофильм «Игрушка»: в нем рассказана история унижительного положения, в которое попал по стечению обстоятельств главный герой Франсуа Перрен, в буквальном смысле купленный как игрушка богатым наследником. Несмотря на то, что, в конечном счете, герою удается сохранить/вернуть чувство собственного достоинства, фильм оставляет тягостное впечатление, иллюстрируя утверждение Бири, что «свобода принятия решений сама по себе еще не гарантирует сохранения достоинства (Перрен согласился «быть купленным» в качестве игрушки)... оно есть нечто объективное, что хотя и касается отдельного человека, все же выходит за его пределы и становится характеристикой всего образа жизни... нельзя преднамеренно ставить под удар собственное достоинство» (с. 36—37).

Угнетающая или безвыходная ситуация заставляет нас быть терпимыми к потере достоинства: «Унижение — это чувство, что у нас отнимают наше достоинство... Бессилие — это отсутствие определенной силы: той, которая требуется, чтобы осуществить некоторое желание..., имеющее решающее значение для нашей жизни (овладеть профессией, купить жизненно необходимые вещи и медикаменты, воспротивиться принуждению)» (с. 38). К унижению из-за бессилия всегда причастны двое (землетрясение, голод или эпидемия не могут вести к унижению): виновник и жертва, где первый целенаправленно и демонстративно унижает другого, испытывая чувство наслаждения от бессилия жертвы. Унижение — это демонстрируемое бессилие, к которому относится и произвол как проявление власти, например, увольнение без причины в фильме «Игрушка», где человека уволили из-за того, что у него вспотели ладони.

Бири называет несколько способов уберечь свое достоинство в унижительной ситуации: «бегство во внутреннюю цитадель» (с. 42) — внутреннее отстранение (может оказаться ложным рецептом); «права как бастион против зависимости от произвола и защитный вал против беспомощности» (с. 44) — человек не просит, а требует защиты, восстановления или подтверждения своего достоинства как субъект права. Бири предупреждает о важности различения навязывания чужой воли (угрозы, слежка, шантаж) и заботливой опеки (когда родители принимают решения за детей). Государство навязывает людям свою волю в виде законов, ограничивая свободу отдельного человека ради пользы общества (приспегивать ремни безопасности, не курить в определенных местах, не торговать наркотиками, не причинять другим вреда). Иными словами, «не всякая опека угрожает потерей достоинства. Это зависит от того, что именно отнимает у нас авторитет и самостоятельность и по какой причине... Хуже всего, если человека делают уступчивым посредством угроз, слежки, пыток и принуждают к тому, чтобы полностью отказаться от авторитета собственной жизни» (с. 46). Ничто не угрожает нашему достоинству, если мы можем подвергать сомнению аргументы, вступать в дискуссию и добиваться, чтобы нас выслушали.

Впрочем, возможна дилемма навязывания воли — заботливая опека несет опасность достоинству, если не соответствует воле человека: взрослые дееспособные люди могут переживать заботливую опеку как беспомощность и, в конечном счете, как умаление чувства собственного достоинства. На примере дилеммы врача автор рассуждает о ситуациях, в которых сталкиваются разные взгляды на жизнь: профессиональное достоинство заставляет врача следовать его медицинским и человеческим убеждениям, зная, что достоинство женщины из религиозной общины, которой вопреки ее воле будет проведено кесарево сечение, будет ущемлено (с. 60—61); возможна и обратная ситуация — если врач решит защищать достоинство и самоопределение пациентки, то поставит под угрозу свою профессиональную идентичность. Сам факт несамостоятельности, зависимости от чужой помощи не является угрозой достоинству: если я обращаюсь в отдел социального обеспечения, то мое взаимодействие с его функционером лишено личностного содержания — это взаимодействие имеющего право на помощь и обязанного ее предоставить. Однако функционер может унижить меня посредством демонстрации своей власти и моего бессилия (демонстративно заставляя меня ждать, намеренно игнорируя, вынуждая меня выпрашивать то, на что я и так имею право, и т.д.).

Помимо внешней самостоятельности, Бири говорит и о самостоятельности внутренней: способности определять, что думать и чувствовать (без подражания, привычки и подсказок), самостоятельно принимать решения — по собственной воле, не следуя чужим указаниям, умении совладать с аффектами или, напротив, иметь смелость допускать аффекты, которые являются частью идентичности и не делают меня жертвой заблуждений, самостоятельно определять свое поведение, не делегируя цензуру внешней инстанции — потребность во внутренней самостоятельности автор увязывает с потребностью в самопознании, называя эту взаимосвязь «достоинством в решении остаться самим собой» (с. 96).

В случае утраты внутренней самостоятельности Бири считает необходимой работу с психотерапевтом, поскольку она позволяет увидеть жизненную ложь и самообман, быть более правдивым с самим собой и называть вещи своими именами. Чувство утраты собственного достоинства может быть как следствием потери работы, что заставляет нас чувствовать, будто мы перестали чего-то стоить, так и следствием работы, которая делает человека несчастным, не соответствуя его способностям, знаниям и усилиям. «Есть работа, где люди остаются сами собой, почти как в игре. Работа, при которой человек может высказать собственное мнение. На другом конце шкалы находится работа, которую воспринимают, как подневольный труд. Ее выполняют по принуждению, либо следуя приказу, как в лагере, либо потому что это единственная возможность заработать на жизнь... Это отчужденный труд, в котором и из-за которого человек отчуждается от самого себя» (с. 114). Отчуждение выматывает человека, он превращается в рабочую машину и теряет себя как субъекта. Работа может отчуждать не только тяжестью или несоответствием ожиданиям и навыкам, но и если не имеет смысла, заставляет человека врать или не видаться с семьей, компенсируя это лишь высоким вознаграждением.

Фактически остальные главы книги уточняют и иллюстрируют названные в первой главе характеристики и измерения человеческого достоинства. Так, вто-

рая глава посвящена достоинству как встрече двух субъектов, поскольку чувство собственного достоинства основывается не только на самостоятельности, но и на характере отношений с другими. В поступках людей мы прослеживаем их мотивы, обусловленные переживаниями, и со временем учимся видеть в историях людей не столько факты, сколько их образ самих себя, многократно отцензурированный под влиянием изменчивых интересов и мотивов: «чем больше переживаемое нами переkreщивается с тем, что переживает другой, тем глубже духовная близость, возникающая между нами; она может быть близостью друзей, но и врагов» (с. 125).

Вовлеченная встреча двух субъектов предполагает разные форматы и этапы. Обычно она начинается с признательности — одни люди открыто замечают достижения других в работе или других сферах жизни и правильно их оценивают, что укрепляет чувство собственного достоинства, а противоположностью являются игнорирование и пренебрежение (или недооценка), которые выступают формой унижения. Другое необходимое измерение достоинства — равноправие, т.е. признание, что мы, как члены общества, имеем те же права, что и все остальные: люди тонко чувствуют неравное отношение, не только его формальную сторону, но и все взаимосвязи, в которых дело касается справедливости и дискриминации (разная зарплата за одинаковую работу, несимметричное распределение благ или шансов). В качестве примера Бири приводит сексуальную объективацию — когда человек сводится к набору частей тела, призванных удовлетворять чужие фантазии, что прослеживается в порнографии, проституции и пип-шоу (с. 147—150). Умалют достоинство пренебрежение, высмеивание (когда высмеивающие наслаждаются бессилием и унижением), сознательное утаивание информации о нас самих, отказ от обоснования поступков, которые касаются нас лично, манипулирование (введение в соблазн, пропагандистский язык с цепкими лозунгами и могущественными метафорами), обман и ложь, насилие (физическое, сексуальное, экономическое, психологическое), травля — агрессивное преследование одного из членов коллектива, дискриминация — лишение прав, предвзятое и несправедливое отношение на основании принадлежности к какой-либо социальной группе, газлайтинг — форма психологической манипуляции, призванная заставить человека сомневаться в адекватности восприятия действительности. Бири уверен, что «если мы хотим сохранить другому его человеческое достоинство, мы не должны связывать его заранее оговоренными ожиданиями... формировать для себя его законченный образ, под гнетом которого он мог бы и задохнуться... Человеческое достоинство неразрывно связано с готовностью меняться в зависимости от состояния взаимоотношений, вплоть до готовности эти отношения прекратить (достойно, с признательностью к другому и самокритично)» (с. 202).

Следующая грань достоинства — уважение личного пространства, которое выражается в проведении разделительной линии между частным и публичным — она варьирует от культуры к культуре и меняется с возрастом: «личное пространство не установлено изначально и навсегда, каждый человек, как и культура, властен свободно определять его размеры и границы, а также изменять их в течение жизни» (с. 234). Потребность скрыть часть жизни имеет двойкий характер: с одной стороны, мы стремимся скрыть недостаток, изъян, разоблачение которого мы вос-

принимаем как позор, утрату уважения и признания; с другой стороны, мы стремимся отграничивать себя от других, чтобы не стать «прозрачными» и доступными во всех своих проявлениях, даже если нам нечего скрывать — просто желая сохранить свой внутренний мир только для себя и не желая превратиться в объект неожиданного и нежелательного внимания. В том случае, если наш изъян оказывается разоблачен, мы испытываем стыд — «чувствует себя выставленными на посмешище, беззащитными перед осуждающими взглядами посторонних» (с. 216). Стыд обладает огромной властью, но получает убийственную силу только потому, что человек подчиняется укоряющему взгляду других. Соответственно, достоинство — это право не быть пристыженным и не быть униженным, борьба за которое начинается с вопроса к самому себе — действительно ли нужно воспринимать осуждение других как позор и бесчестие? Бири уверен, что нет никакой необходимости смотреть на себя глазами других — человек должен постоянно искать внутреннее равновесие, обретая собственный авторитет и голос, что ни в коей мере не отрицает необходимости раскаяния в случае вины, но за глубокой скорбью должно следовать примирение с собой без ретуширования прошлого — поиск «шаткого равновесия между несмываемым воспоминанием и стремлением к новой моральной целостности» (с. 231).

Границы личного пространства могут измениться изнутри и извне: в первом случае речь может идти об «отступлении во внутреннюю цитадель» (например, у занимающихся порнографией), ситуативном выплеске эмоций (перед судом, у могилы, с политической трибуны), приеме у психотерапевта (исцеляющие признания) или бездумном и беззастенчивом саморазоблачении на вечеринке, в социальных сетях, бульварной прессе или ток-шоу (за деньги), причем во всех случаях человек может испытывать чувство облегчения или же, в случае нарушения личных границ за большие деньги, даже кратковременную иллюзию счастья; во втором случае подразумевается социальное принуждение (вторжение папарацци или предательство близкого человека).

Не менее важными элементами достоинства являются правдивость и самоуважение. Ложь Бири рассматривает не только как обман других, но и как самообман (простые безобидные заблуждения или фальсификация представления о себе из нежелания знать правду из страха стать несчастным) — и то, и другое неизбежно сказывается на чувстве собственного достоинства, поскольку оно связано «со стремлением к правдивости, с желанием согласовывать с фактами все, что человек говорит, чувствует и делает» (с. 285). Жизненная ложь опасна тем, что неспособность к правдивости может привести к печальным моральным последствиям (например, когда хирург не признается себе, что его руки больше не слушаются, или алкоголик продолжает руководить строительными работами). Достоинство искренности и подлинность личности автор видит в мужестве принимать факты и даже неудобную правду: «облегчение, которое приносит смерть или разрыв отношений; потребность отомстить за обиду; саму обиду; гнев, ревность... признаться себе, что не испытываешь чувств — симпатии или сострадания... Если преодолеваешь разочарование и принимаешь собственный опыт таким, каков он есть, то чувствуешь, что как-то по-новому стал ближе самому себе» (с. 292). Бири

признает право человека защищать свою идентичность, в том числе ложью и самообманом, например, нам сложно смириться с грозящей опасностью (отрицание смертельной болезни) или невыносимой ситуацией (ложь как намеренный уход от реальности). Наиболее важный критерий подлинности — отсутствие искусственно поддерживаемого расхождения между знанием, поведением и чувствами. Однако нарушение табу и называние вещей своими именами не всегда освобождает: например, называние человека алкоголиком — это своеобразная «классификация, нечто бесповоротное... у алкоголика нет шансов перестать быть алкоголиком» (с. 306).

Важной гранью достоинства является «сохранение лица», т.е. социального фасада/роли, определенного представления себя другим. Утрата социального лица грозит незащищенностью и беспомощностью, поэтому мы не только заботимся о сохранении своего лица, но и помогаем сохранить его другим, для чего необходима «тонкая ложь» — утаивание правды в виде дипломатии, эвфемизмов и приукрашиваний (с. 307—308): это язык ничего не значащих компромиссов, мнимого уважения политического противника, мнимого успеха бесперспективных переговоров, мнимых достижений тех, кто потерпел неудачу. Используя этот вид лжи, все стороны понимают правила игры, но ведут себя так, как будто ложь — это правда, чтобы помочь кому-то сохранить лицо, защитить от жестокости в публичном пространстве.

По мнению Бири, достоинство человека наиболее ярко проявляется в ситуации угрозы и вызова, поскольку из самоуважения человек не пойдет на все ради цели — существуют границы его действий в виде поступков, которые он не совершил бы ни при каких обстоятельствах. Эти границы определяют индивидуальность человека и выступают в качестве моральных ориентиров. «При суждении относительно самоуважения и достоинства речь не идет о границах, устанавливаемых кем-то со стороны» (с. 321) — они задаются самим человеком и связаны с его образом себя, который, в свою очередь, может быть обусловлен социальной ролью и ей обязательствами. Образ себя, определяющий самоуважение, — результат процесса воспитания, образования и культурного формирования во взаимодействии с другими, а потому представления о себе изменчивы: один человек может разрушить самоуважение другого из мести; человек может пожертвовать самоуважением ради защиты или спасения другого; может утратить самоуважение, совершая поступки, переходящие его внутренние границы, или же, наоборот, бездействуя — отказываясь брать на себя ответственность (с. 343). Ответственность перед самим собой выражается в заботе о здоровье, развитии интеллекта и способностей, постоянной готовности к принятию решений, верности чувствам, убеждениям и образу жизни. Неудачи не несут угрозу чувству самоуважения — оно может быть потеряно, только если человек предает себя и теряет волю к принятию решений, например, не имеет мужества высказать непопулярное мнение, опасаясь перестать нравиться другим.

Еще одна грань человеческого достоинства — моральная целостность, которая ориентируется на каноны долга, императивов и максим, но не когда «бюрократия внутренних приказов и предписаний отрабатывается принудительно, и мы,

поступающие морально, словно бы надев заношенные нарукавники и язвительно сжав губы, безрадостно и тоскливо слоняемся над покрытыми пылью актами моральных заповедей и отповедей..., а когда наша нравственная чувствительность направляется... опытом нравственной близости... вовлеченностью в жизнь другого..., моральной общностью» (с. 352—354). Моральное достоинство представляет собой форму, в которой моральная общность выступает в качестве источника достоинства и основывается на таком уважении потребностей других людей, что если мы раним их, то можем нанести вред и себе.

Государство пытается защищать достоинство граждан с помощью законов (запрет пыток, издевательств, оскорблений и т.д.) — категории «достоинство» и «достоинство личности» встречаются во многих конституциях. Так, согласно статье 21 Конституции Российской Федерации: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Однако формальные нормы не могут оградить человека от злой воли других. Очевидно, что понятие морального достоинства неотделимо от понятий вины и наказания, которые также могут выражаться по-разному: «Сознание вины — это сознание того, что разрушена моральная общность... и сознание утраты морального достоинства... Достоинство виновного заключается в том, как он относится к своей вине и что он предпримет, чтобы восстановить утраченные моральные правила» (с. 363). Одним из способов достойного осмысления вины является ее искреннее и правдивое признание, причем обязательно в ходе встречи виновника и жертвы, когда они смогут «узнать друг друга по ту сторону произошедшего» (с. 368).

Наказание виновного, т.е. целенаправленное причинение зла другому в ответ на его собственное зло, объясняется разными мотивами: государство стремится подчеркнуть защиту законов и граждан; потерпевший видит в наказании справедливое уравнивание своего страдания; пенитенциарная система призвана осуществить принудительное перевоспитание преступника — принуждая его к контролю и ответственности, уважению законов и других, т.е. цели причинения страданий преступнику не ставится. Напротив, речь идет об эффективном воздействии на него с тем, чтобы, испытывая лишения, он развил в себе волю к изменению. Такой поход не содержит в себе угрозы достоинству преступника — его «пытаются вырвать из беспощадного прошлого и открыть возможность посмотреть на себя по-новому и вести себя по-другому» (с. 376). Однако наказание может мотивироваться желанием расплаты — подвергнуть преступника равному по силе его проступка наказанию и разрушить его чувство достоинства (крайний случай — смертная казнь). В каждой тюрьме идет борьба между мотивами расплаты и перевоспитания, но тюрьма сама по себе, как тотальное учреждение, угрожает достоинству заключенного, сводя его идентичность к минимуму и практически уничтожая ее.

Несомненно, рассуждать о соразмерности наказания преступлению в контексте сохранения достоинства невозможно без обращения к теме нравственных

границ. Бири рассматривает ее на примере закона о безопасности на воздушном транспорте: он дает право вооруженным силам сбивать самолеты, которые террористы решили использовать как оружие против гражданского населения. Это пример сложной моральной дилеммы: на одной чаше весов находится предотвращение потерь и, в конечном счете, уменьшение страдания, на другой — достоинство людей, находящихся в захваченном самолете, чьи жизни будут принесены в жертву. Рассматривая и другие аналогичные дилеммы, автор приходит к выводу о существовании двух моральных перспектив, пребывающих в состоянии неразрешимого конфликта: первая утверждает заботу об общественном благе и сокращении страданий, а вторая защищает достоинство отдельного человека: «Быть может, ошибочно и даже бессмысленно искать степень предпочтения между страданием и достоинством. Мы должны помнить о том, где берут начало идея и потребность в достоинстве. Они не предписаны нам божественной инстанцией, хотя здесь некоторые и возразили бы. Они вообще не предписаны. Мы выдвинули эту идею и развили потребность в достоинстве, чтобы иметь возможность лучше преодолевать тяготы жизни с ее вызовами и угрозами» (с. 406). Автор предлагает четко разделять обычный ход вещей — с его понятными обстоятельствами, которые не обойдут стороной ни одного из нас (одиночество, утраты, смерть), и ситуации, которые выбиваются из рамок обычной жизни (войны, терроризм, природные бедствия) и потому как бы приостанавливают действие критериев достоинства в их обычном понимании до тех пор, пока не минует беда.

Самая короткая глава книги (и потому явно избыточная и повторяющая ранее сказанное) посвящена определению достоинства как необходимости никогда не упускать целостную перспективу, фокусируясь на, казалось бы, предельно важных деталях и частностях нашей жизни и чрезмерно серьезно воспринимая самих себя. А завершает книгу глава о достоинстве как признании конечности жизни. С одной стороны, Бири подчеркивает, что в старости мы утрачиваем привычные способности, теряем самостоятельность передвижения и принятия решений, обретаем многообразные зависимости, что переживается как беспомощность; с другой стороны, старость не должна угрожать достоинству, и наша задача — сделать все от нас зависящее, чтобы беспомощность пожилых не превращалась в унижение, стараться поддерживать в них чувство самостоятельности, признавать в них субъектов и партнеров при обмене мнениями. Кроме того, чтобы закончить жизнь достойно, человек должен знать, что с ним происходит и сколько времени ему осталось: «возможность достойной смерти обеспечивает правдивость со стороны других... Человек должен иметь возможность подготовиться к смерти: потребуются как внешние действия, так и внутренняя установка. Оставлять его в неведении — возмутительная форма опеки. У человека крадут ни больше ни меньше как шанс подвести итог своей жизни» (с. 463).

Несомненно, книга Бири является прекрасным образцом научно-популярной проработки сложнейших и при этом вполне обыденных понятий, однако не может не иметь тех проблем, что неизбежно сопровождают любые попытки систематизировать содержательное наполнение и проиллюстрировать такие понятия, прибегая к не менее многозначным терминам, которые мы также используем в повседневной жизни как само собой разумеющиеся.

Другое очевидное ограничение книги, которое особенно бросается в глаза социологу, состоит в гиперболизации субъективного компонента, например, когда автор дает определение страданию: «если оно не воспринимается как таковое, то вообще не страдание, ибо это не объективная, а субъективная категория, связанная с переживанием» (с. 67). Безусловно, мы живем в мире социального конструирования проблем и стигматизации, и автор справедливо отмечает, что любой социальный изъян — «не категория объективного, сугубо фактического, а оценочная категория негативного, отвергающего суждения» (с. 212), но вряд ли такую оценочность следует относить к любому страданию (особенно физическому) и в принципе столь расширительно применять оценочную компоненту в сфере социального взаимодействия.

Вторая книга, удивительно похожая на работу Бири не только общей тональностью, но также перечислением способов утраты собственного достоинства, акцентом на позитивной роли психотерапии в личной и социальной жизни и яркими иллюстрациями (в том числе примерами из российской действительности и пересказами известных произведений русской литературы), — «Секс, деньги, счастье и смерть: в поисках себя» Манфреда Кетса де Вриса, позиционируемая в аннотации как сочетание менеджмента и психотерапии в поисках ответа на сложнейшие вопросы обретения счастья и гармонии с окружающим миром. На первый взгляд книга производит несколько странное впечатление тем, что каждая из четырех ее глав предваряется несколькими эпиграфами из высказываний известных писателей (Ф. Рабле, Л.Н. Толстой, Б. Шоу, М. Твен, Ф.М. Достоевский и др.), философов (Сенека, Вольтер, Ф. де Ларошфуко и др.), актеров (К. Иствуд, Ш. Маклейн, С. Лорен, Х. Богарт и др.) и т.д., которые содержат тривиальные и общеизвестные максимы («Трагедия жизни не в том, что она быстро проходит, а в том, что мы слишком долго откладываем ее на потом», «Лучше всего человек проявляется по отношению к людям, от которых ему нет никакой пользы» и др.), но убедительно подчеркивают, сколько глупо мы себя ведем — понимаем и признаем очевидное, но продолжаем проживать свою жизнь так, будто это очевидное не касается лично нас. Принципиальная позиция автора состоит в том, чтобы убраться разрыв между «слишком мудреными и зачастую невыносимо скучными», далекими от реальности исследованиями в области управления и лидерства — с одной стороны, и не воспринимаемой серьезно художественной литературой и другими источниками обыденных истин — с другой, показав, что эффективные правила деловой и повседневной жизни кроются где-то посередине, а не в публичных выступлениях «знахарей от управления/шарлатанов/гуру бизнеса, предлагающих свой некачественный товар» (с. 10).

Кетс де Врис отказывается от модели «человека экономического» — «этого удивительного создания, подчиненного лишь логике поиска выгоды» (с. 11) — в пользу более реалистических объяснений поведения, в частности, обращаясь к психоанализу, психиатрии и психотерапии как позволяющим лучше понять, какие проблемы волнуют людей и какие факторы лежат в основе их поведения, в том числе организационного. Используя разные «линзы» (междисциплинарный подход), Кетс де Врис утверждает, что зачастую кажущееся нам рациональным

поведение таковым не является, поскольку в его основе лежат странности внутреннего мира (автор использует забавную метафорику, например, называя иррациональные мотивы «внутренними взбесившимися кинг-конгами»), а потому считает важным для руководителей и сотрудников организаций разбираться в манифестном и скрытом поведении, обращать внимание на объективные факты и субъективную реальность и распознавать лживость обещаний «шарлатанов от управления». Кетс де Врис разделяет убеждение Ф. Ницше и Ж.-П. Сартра, что Ф.М. Достоевский — один из первых «психологов», признавших иррациональную природу человека и, следовательно, невозможность предугадать наше поведение: «люди действуют и делают тот или иной выбор под влиянием сложных и иррациональных эмоций, поэтому человек, только что совершивший благороднейший поступок, может тут же повести себя как подлец» (с. 27).

Первая и самая длинная часть книги посвящена сексуальному влечению, поскольку автору «тоже приходилось искать компромисс между физиологическими потребностями и требованиями общества» (с. 24). Он называет следующие характеристики (сексуального) желания (с. 34—35): в нем всегда есть элемент фантазии, и иногда фантазии подменяют действительность; свои желания трудно, а подчас невозможно сформулировать и озвучить; как только мы получаем страстно желаемое, объект теряет прежнюю привлекательность, т.е. мечты, даже несбыточные, более притягательны, чем их реальное воплощение, потому, что в фантазиях мы способны управлять происходящим, а реальность может серьезно разочаровывать. Как и Бири, Кетс де Врис приводит множество примеров из художественной литературы и цитирует писателей не только в эпиграфах к главам, но и в тексте: например, Р.Л. Стивенсона, считавшего, что путь, исполненный надежд, дарит больше счастья, чем момент прибытия в пункт назначения, или Б. Шоу, согласно которому «две трагедии возможны в человеческой жизни: одна — когда не исполняется заветное желание, другая — когда оно исполняется» (с. 35).

В целом автор несколько гиперболизирует роль желаний в духе классического психоанализа (желания — суть человеческой жизни, жить — значит желать, желания не признают доводов разума и с трудом поддаются обузданию, не мы выбираем желание, а оно выбирает нас, в нашем переменчивом мире постоянно только сексуальное влечение, и именно оно заставляет Землю вращаться, и т.д.), но признает, что последние научные достижения психологии и нейробиологии позволили расшифровать и описать некоторые биологические и эволюционные механизмы, управляющие желаниями, в том числе сексуальными (с. 35). Для подтверждения важнейшей роли сексуальных «драйверов» автор реконструирует историю их социального восприятия: от древнеримского и древнегреческого наслаждения плотскими утехами до иудеохристианской традиции вины за проявления сексуальности (с отсылками к ветхозаветному изгнанию из рая) и проповедования христианской церковью отказа от сексуальных наслаждений как греховных (женщины стали символом искушения, секс считался занятием опасным и недостойным, отцы церкви отвергали значение сексуальности в биологической природе человека), и лишь в конце XIX века сексуальность стала играть более значимую роль в общественной жизни (в частности, искусство стало уделять

больше внимания переживаниям и перипетиям личной жизни), освободив людей от связанного с ней комплекса вины. Подытоживает борьбу церкви с сексуальностью автор так: «Интересно, задумывались ли отцы церкви о том, каким был бы мир, лишенный того, что они считали грехом? О чем бы они тогда говорили в своих проповедях? Ведь без греха и грешников институт церкви потерял бы всякий смысл» (с. 42).

Итогом внушения людям негативного отношения к сексу стало «появление двойной морали и развитие сексуальных расстройств» (с. 45). И только первопроходцы исследований сексуальности и психоаналитики (А. Кинси, З. Фрейд, Э. Фромм и др.) помогли изменить устоявшееся мнение, показав, что сексуальность — естественная составляющая жизни, которая не сводится к физическому половому акту, а имеет психологическую динамику. «В современном обществе секс больше не считается сакральным актом, предаваться которому могут только супруги и только в целях продолжения рода. С середины XIX века... социальные, культурные и медицинские барьеры, препятствовавшие свободному выражению сексуального желания, рушились, вдохновляя людей на смелые эксперименты... чувственность перестала считаться богопротивной» (с. 49). Миграционные процессы, урбанизация, развитие биотехнологий, изменение сценариев отношений между мужчиной и женщиной сделали секс социально и культурно значимым, но в то же время «сексуальная доступность в какой-то мере лишает нас способности любить по-настоящему... сегодня мы живем в циничном обществе, в котором остро стоят проблемы СПИДа, подростковой беременности и невероятно высокого процента разводов» (с. 51).

Первая часть книги сочетает в себе просвещенческую апологетику сексуальности с явно избыточной биологизацией человека как «сексуальной машины», чей инстинкт продолжения рода накладывает отпечаток на все его мысли, чувства и поведение, причем через подсознание: «сексуальный авантюризм всегда был свойственен человеческой природе, и, несмотря на зловещие предостережения отцов церкви, эта область жизни никогда по-настоящему не подчинялась моральным требованиям» (с. 52). Впрочем, автор признает влияние воспитания на сексуальное поведение («мы не безмозглые, управляемые генами машины для выживания, а способные к невероятно сложным чувствам и переживаниям личности» — с. 57), поэтому сексуальное влечение означает не только секс, но и сексуальные переживания, привязанность (чувство близости и зависимости от другого) и любовь — их слияние порождает гармоничные длительные взаимоотношения. Кроме того, любовь бывает разной: себялюбие, родительская, супружеская (якобы требующая сохранения в любимой/ом загадки, чтобы партнер мог выступать объектом проективной идентификации), детей к родителям, Богу, животным, романтическая (воспеваемая во многих культурах и нередко связанная с любовью платонической, а сегодня скорее скоротечный и мимолетный этап влюбленности, «прелюдия к брачной кампании») и др.

Несмотря на то, что формально первая глава посвящена сексуальному желанию и содержит множество высказываний о гендерной специфике любовно-супружеских отношений, по сути, она, как и вся книга, пытается показать человеку, какие заблуждения могут сделать его несчастным. Например: «не надо ждать ска-

зочного принца; лучше учиться самоопределению и стараться жить счастливо с просто хорошим человеком... Нельзя растворяться друг в друге... Истинный союз подразумевает, что партнеры помогают друг другу стать полноценными, самодостаточными личностями, не переживающими „двойной психоз“ и не сбегающими от реальной жизни» (с. 96). Итоги сексуальной эмансипации автор подводит в биологизаторском ключе (частота упоминаний в книге «инстинктов» поразительна), отмечая, что нынешняя «сексуальная неудовлетворенность мужчин и женщин — во многом результат неверного компромисса между биологией и обществом, извечного конфликта природы и воспитания» (с. 148). Тем не менее, сексуальная революция «повлекла отмену двойных стандартов и сексуальных запретов, существовавших веками (что сомнительно)... Для сексуальности XXI века характерно как ярчайшее самовыражение, так и серьезное самоограничение — нам остается лишь сделать правильный выбор» (хотелось бы надеяться, что речь идет о выборе на шкале между этими точками, а не одной из них) (с. 154).

Во второй части книги говорится о деньгах — как играющих важную роль в судьбе людей, особенно если они смешивают понятия самооценки и размера собственного капитала. Вначале автор обозначает все интересующие его особенности роли денег в нашей жизни, а затем уточняет и иллюстрирует их: «Для многих из нас деньги стали смыслом жизни (деньги овладевают человеком, многие богачи страдают от синдрома усталости от богатства — в качестве примера рассмотрена страсть Р. Абрамовича к соревновательному приобретательству)... Людей, равнодушных к деньгам, мы подозреваем в лицемерии и считаем, что когда они говорят о своем презрении к богатству, то открывают лишь часть правды, а на самом деле презирают только чужие богатства..., т.е. пытаются подавить в себе зависть... И чем больше денег у нас есть, тем больше нам хочется... Однако рано ли поздно большинство из нас осознает, что дороже жизни нет ничего... Вам хотелось бы быть самым богатым на кладбище?... Загадка: нищим быть нежелательно, но чтобы чувствовать себя богатым и довольным жизнью, одних денег недостаточно» (с. 159—160). Не ссылаясь на известную книгу Э. Фромма, Кетс де Врис говорит о том же: всепоглощающая страсть к материальным благам заставляет нас стремиться к обладанию, а не к жизни, и именно на смешении этих потребностей основана рекламная индустрия.

Противостоять рекламному давлению потребительской идеологии крайне сложно, потому что оно основано на культурных традициях и ценностях, передаваемых из поколения в поколение, т.е. деньги обретают символическое значение — «избавление от нищеты или серости существования, свобода от семейного давления, путь к независимости и власть (особенно для преуспевающих бизнесменов, озабоченных идеей бешеных денег), свободное время..., обретение чувства самоуважения и любви» (с. 171). В результате многие люди растрачивают впустую время своей жизни и здоровье, теряют друзей и близкие связи, лишь бы заработать состояние. Признавая, что универсального критерия достаточности денег не существует, автор предлагает сосредоточиться на понятии баланса: «маловероятно, что наша приверженность золотому тельцу исчезнет в одночасье сама по себе, поэтому мы должны научиться жить так, чтобы в погоне за прибылью не потерять самих себя» (с. 207).

Вывод второй части книги также имеет отношение к счастью: признавая, что без денег нам не выжить, что они нужны для поддержания нашего существования, автор подчеркивает — чтобы оставаться психически здоровыми, «мы должны находить такие способы приобретения и траты денег, которые соответствуют нашему субъективному ощущению благополучия и системе ценностей и убеждений. В противном случае... деньги будут стоить нам слишком дорого (история царя Мидаса)» (с. 165) — вполне в духе высказывания Б. Франклина, что «деньги еще никого не сделали и не сделают счастливым; чем больше человек имеет, тем больше хочет; вместо того, чтобы заполнять пустоту, деньги создают ее» (с. 176). Соответственно, «если мы счастливы тем, что имеем и чем занимаемся, то действительно богаты. Есть то, что неизмеримо важнее денег, — это наше богатство в форме „человеческого капитала“: время, энергия, увлечения и близкие отношения... — единственное, что дает нам чувство безопасности в этом ненадежном мире» (с. 214).

Третья часть книги посвящена счастью как таковому, и ее содержание прекрасно суммируют два эпитафия: Ф. де Ларошфуко — «никто не бывает столь несчастным, как думает, или столь счастливым, каким хочет быть», и Л.Н. Толстого — «счастье зависит не от внешних вещей, а от того, как мы на них смотрим» (с. 216). Главную проблему счастья автор видит в том, что, хотя все люди задаются вопросом «как можно стать счастливым», «счастье с трудом поддается определению — гораздо проще иметь дело с горестными чувствами, чем с так называемыми положительными эмоциями: первые более определены, более конкретны... за счастье нельзя назначить определенную цену, оно гораздо менее осязаемо и зачастую иллюзорно, незаметно подкрадывается к нам и так же быстро ускользает из наших рук. Но каким бы изменчивым оно ни было, поиск счастья остается основным занятием человечества» (с. 219—220). Позитивная психология (М. Селигман) признала, что если о депрессии нам известно фактически все, то положительным эмоциям ученые уделяют слишком мало внимания, поэтому фокус внимания должен быть смещен с психических расстройств на психологическое благополучие (удовлетворенных, счастливых людей).

Одни авторы разводят стремление к счастью и достижение счастья, вторые подчеркивают, что счастье — недостижимый идеал, хотя именно он позволяет противостоять невзгодам нашего существования, третьи считают бессмысленным изучение счастья в силу его непостижимости, четвертые видят в нем лишь продукт химических реакций или результат работы сети медиаторов, пятые называют счастьем не положительные эмоции и чувство удовлетворенности жизнью, а отсутствие желаний и т.д. — всех исследователей объединяет признание кратковременности счастья (не бывает полным и долговечным) и того, что большинство людей согласятся, что они счастливы в большей или меньшей степени (срабатывает «фактор социальной желательности» и ситуационная обусловленность ощущения счастья — важен не только доход, но социальный статус, уровень образования, удовлетворенность работой, возраст, привычки, окружение, темперамент и т.д.).

Вывод Кетса де Вриса по третьей части книги предсказуем: «Ключ к счастью в мировоззрении, которое мы формируем ко взрослому возрасту, поскольку на события и ситуации можно смотреть совершенно по-разному» (с. 247). Например,

«выученная беспомощность» делает человека пассивным и зависимым от чужих решений, лишает уверенности в собственных силах и влиянии на ситуацию, а оптимизм и экстраверсия являются надежной защитой от «несчастливости»; низкая самооценка ведет к эгоизму, антагонизму и депрессии, а «чтобы счастье заглянуло в наш дом, мы должны принимать и уважать самих себя» (с. 256). Иными словами, «как говорится в старой китайской поговорке, счастье — это когда есть кого любить (сбалансированные взаимоотношения без зависти, в которые автор включает непонятную «справедливость» как их обязательную основу), что делать (работа связывает человека с обществом и спасает от обломовской пассивности, лени и апатии, но только если наш труд осмыслен, интересен и нравится нам) и на что надеяться (причем путь к мечте гораздо важнее для ощущения счастья, чем ее осуществление)» (с. 258).

И, наконец, последняя часть книги рассказывает о смерти, неизбежность которой приводит к «парадоксальным ситуациям: некоторые люди так боятся ее, что, по сути, даже не начинают жить... Если все время думать о смерти, то жизнь будет не в радость... Одни люди развивают бурную деятельность, лишь бы отогнать гнетущие мысли о неизбежном конце, другие, напротив, смиряются и впадают в депрессию... Там, где одни видят безнадежный конец, другие усматривают бесконечную надежду, и из этих двух точек зрения последняя — более конструктивная» (с. 318—319). Однако быть конструктивными сложно, поскольку нам трудно смириться не только с неизбежностью собственной смерти, но и с утратой близких — мы боимся не только уничтожения и пустоты, но также одиночества и заброшенности. Наш экзистенциальный ужас перед смертью усугубляет и то, что, с одной стороны, современное общество всячески дистанцируется от горя и не приветствует страдания, как бы утверждая, что люди должны молчать о горестях и проявлять выдержку, стремясь вернуться к «нормальной жизни»; с другой стороны, развитие медицинских технологий и «механизация» смерти (ее исключают из повседневности, превращают в больницы в управляемый технологический процесс) привели к тому, что ужас сегодня вызывает не смерть как таковая, а особенности умирания (унизительные и обезличенные).

Все культуры придумали сложные ритуалы прощания с мертвыми, которые помогают нам справиться с горем и страхом смерти, обрести надежду, найти новый смысл жизни и организовать ее по-новому; в каждом обществе существуют мировоззренческие системы (прежде всего религиозные), которые помогают верить в то, что, несмотря на нашу ничтожность и неминуемую смерть, мы можем обрести какую-то форму бессмертия (загробная жизнь, рождение детей, создание семейного бизнеса и разных форм общественного достояния). Но вопрос в том, насколько все эти ритуалы эффективны сегодня, в постиндустриальном обществе, вытеснившим представления о страданиях на периферию культурного опыта. Поэтому крайне важными Кетс де Врис считает (1) осмысленность жизни, которая означает «рождение надежды...: если нам удастся найти то, ради чего стоит жить, если у нас появляется смысл жизни, то мы можем вынести даже самые тяжкие испытания» (с. 357); и (2) отказ от одиночества, механизации, дегуманизации и деперсонализации смерти ради обретения гармонии в процессе умирания (достойная смерть).

Видимо, не желая заканчивать книгу на столь мрачной ноте, автор посвятил заключение доброте, мудрости и поиску смысла жизни. Его рецепт обретения счастья очевиден и прост: «Оставаться самим собой — принимать себя таким, каков ты есть, не пытаясь выдавать себя за кого-то другого. Это предполагает не только веру в собственные силы, но и признание собственных слабостей, и терпимое отношение к собственным недостаткам, мужество называть вещи своими именами..., уметь устанавливать границы..., рассматривать окружающих как индивидуальных личностей, заслуживающих уважения... Быть собой — значит быть настоящим, не играющим никакой роли и не носящим маску» (с. 407). Однако с социологической точки зрения подобное саморазоблачение невозможно (в ходе социализации мы буквально растаем в репертуар социальных ролей нашей культуры) и чревато именно той социальной изоляцией, которую автор считает одним из препятствий для счастья человека как «социального животного». Впрочем, многие аспекты «бытия самим собой» автор, безусловно, представляет более реалистично: ведение осмысленной жизни, выход за узкие рамки личных интересов и обретение смысла во всем, что окружает — в отношениях, работе, благих делах, религиозных верованиях, формах альтруистического поведения и т.д.

В завершение следует назвать еще несколько общих черт двух книг, имплицитно обучающих человека стать счастливее. В книге Бири нет библиографии, что ей совершенно не мешает, поскольку автор предлагает собственную развернутую концептуализацию понятия «достоинство», поясняя ее показательными и понятными примерами. Кетс де Врис, казалось бы, делает то же самое, используя небольшую библиографию, однако работает с менее «философскими» категориями, поэтому его книга вызывает массу вопросов относительно источников данных, которые позволяют автору делать столь сильные (допустимые, но требующие эмпирических обоснований) утверждения относительно нашего поведения (женщины особенно ценят добрых мужчин, которые трепетно относятся к детям, т.е. менее агрессивны; женщинам свойственно растворяться в партнере, развивая «как будто личность»; от сексуальной неудовлетворенности чаще страдают мужчины; они склонны завышать количество сексуальных контактов, а женщины, наоборот, занижать; богатые чаще подвержены скуке, депрессии и другим психическим расстройствам, и т.д.), которые якобы должны изгнать далеких от реалий «узников башен из слоновой кости» (бюрократов от управления) из их уютных убежищ и заставить их обратиться к практической деятельности на основе «многомерной модели» личности (несводимой к человеку экономическому).

Помимо отсутствия указаний на источники данных текст Кетса де Вриса часто носит слишком «лозунговый» характер (противореча стремлению автора не выступать «эдаким гуру»), что сближает его с теми «шарлатанами от управления с их медовыми речами», от которых автор старается дистанцироваться, ссылаясь на свой научный подход и практический опыт. Например: «Хотя природа истины такова, что она всегда пробивается к свету, ей приходится преодолевать немало препятствий»; «Великие открытия совершает не тот, кто видит новые земли, а тот, кто смотрит на все новыми глазами»; «Хорошо знать, что ждет тебя в конце пути, но важно не забывать о том, что главное — само путешествие»; «Мы знаем, что

когда-то появились на свет и когда-нибудь умрем. Вопрос в том, как наилучшим образом использовать отпущенное нам время»; «Каждая семья — отдельная история, и каждая такая история заключает в себе как надежду, так и отчаяние»; «Любовь не просто заставляет землю вращаться — она придает этому вращению смысл»; «Наши дети нуждаются в нашем присутствии, а не в дорогих игрушках»; «Жизнь — это не репетиция, это реальность» и т.д.

Кроме подобных максим в книге встречаются и некорректные стереотипные высказывания, например: мужчины часто рассматривают секс как самоцель, а женщины, как правило, ждут от него эмоциональной близости; женщины всегда ищут финансово состоятельных партнеров, а мужчины — внешне привлекательных; «некоторые женщины идут на секс по „несексуальным“ причинам (желание удержать мужчину)..., но то, что секс — самый надежный способ привязать к себе другого человека, это глубокое заблуждение» (с. 73—74) (непонятно, почему автор считает, что это гендерно-специфичное — женское — заблуждение). Впрочем, автор заранее предупреждает читателя в предисловии: «вместо того чтобы заполнить страницы сухими ссылками и справочной информацией, как я обычно делаю в более „формальных“ книгах, здесь я пишу простым языком, рискуя вызвать неодобрение ученых коллег. Мне кажется, что если бы я говорил об этих проблемах в более традиционном научном ключе, то не нашел бы желаемого отклика у читателей и не сумел бы помочь им понять многие сложные вещи» (с. 29). Вероятно, если такой подход действительно поможет кому-то взглянуть на свою жизнь иначе и стать счастливее, то он допустим, но все же как исключительно популярно-публицистический, а не научный.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-563-580

Human dignity and ways to lose it, or A few recipes for happiness*

Books review: Bieri P. *Zhiznenny vybor. O mnogoobrazii*

chelovecheskogo dostoinstva [Dignity as a Way of Life. A Treatise on the Diversity of Human Dignity]. Per. s nem. D.V. Silverstova.

Saint Petersburg: Izdatelstvo Ivana Limbakha; 2018, 504 p.; **Kets de Vries M.**

Seks, dengi, schastie i smert: V poiskakh sebya [Sex, Money, Happiness, and Death: The Quest for Authenticity]. Per. s angl.

Moscow: Alpina Publisher; 2018, 440 p.

* © I.V. Trotsuk, V.E. Grebneva, 2019.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-011-00993 “Happiness as an interdisciplinary construct: Variations of sociological conceptualization and operationalization”.

The article was submitted on 25.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.